

«...НО ЕСТЬ ПОКОЙ И ВОЛЯ»

О необыкновенности пространства, открытого взору окрест шукшинских Сросток, сказано неоднократно. Но в этом году Пикет настолько преображен, что надо говорить о том явлении, которое изменило и сам холм и его округу. Произошло это на 28-х шукшинских чтениях.

Сростки - не только поименование места, где Шукшин родился. Взглянешь с Пикета на Катунь и понятно становится - откуда и почему селу такое имя дадено. Выше знаменитого холма Катунь богата обледеновыми и тальниковыми островами. Протоки, мелкие рукава реки вольно ветвятся в ладони долины. А под Пикетом все они сходятся в одно единое русло. Сростились. Отсюда и имечко.

Но раз в году - в день рождения Василия Макаровича здесь свершается иное срастание. Тысячи людей из самых разных мест России срастаются в единого слушателя - соучастника события, значение которого уже много лет волной всенародной любви вознесено на гребень национального достояния. На Пикет в автомобилях под недреманным оком милиции поднимается только высокочиновный люд - так называемые *vip*-персоны, а простые смертные совершают пешее великолепное восхождение, чтобы равнорадостно и равнострастно внимать знаменитым актерам, писателям, но главное - друзьям Шукшина. За двадцать семь предыдущих лет здесь побывал едва ли не весь цвет писательской и артистической России: Виктор Астафьев, Василий Белов, Александр Шахматов, Георгий Жженов... Вместе с ними на линию прибоя выносило и тех, кто приподно колотил себя в грудь, доказывая - я был другом Макарыча! Эх, Макарыч!.. неслось запанибратское. Знавал Пикет и ложнопафосные речи. В этом году таковых не прозвучало. Видно, у самоназванных друзей прошлогодние синяки на груди еще не прошли, и «будто бы друзья» не приехали. А приехали и те, кто был с Шукшиным рядом в кинематографе - таких все меньше с каждым годом: Людмила Зайцева, Анатолий Заболоцкий. И те, кто был рядом на литературном по-прище: Валерий Ганичев, Валентин Распутин. Но рады были очутиться на Алтае и те, кто и не был напрямки знаком с Шукшиным, но всегда сопоставлял свое творческое поведение с шукшинским космосом. И если не забыть, что «космос» с греческого переводится как «порядок», то невольно выстраивается линия поиска Шукшиным в стихии народной жизни порядка душевутверждающего. Поиск этого состояния и приводит на Пикет из года в год и Валерия Золотухина, и Александра Панкратова-Черного, и Александра Михайлова. Впервые воочию увидели родину шукшинскую Ольга Островумова и Лариса Шахворостова. А молодой еще актер Михаил Присмотров, которому на Алтае дали обещающую прибавку к имени - Миша - копец Голливуду, - тот прямо заявил перед зрителями о цели своей: «Я приехал сюда, чтобы присвоить Шукшина». Эко замечательно сказано! Слово, будто птаха, вырвалось. С этим чувством является на Пикет ежегодно мильен народу. И, присвоив, уносит нашего земляка в свои города и веси. Это присвоение очень хорошо выразил юноша - русский норвежец Георгий Михайлов, когда после долгого монолога на языке викингов вдруг выдал на ломаном русском: «Надо знать Шукшин не одна Россия!»

Собственно Шукшинские чтения - это не только три часа на Пикете, когда к артистическому помосту прихлынет жадный до слова и песни народ. Но надо видеть и слышать, какова в Сростках прелюдия воскресного дня. Где-то в километрах пятнадцати выше по Катуни всенощно-гитарно не умолкает фестиваль самодеятельной песни. А в самих Сростках за последний десяток лет отладилась своя стихия, обретя устойчивый образ - на берегу завершается фестиваль народного творчества «Калина красная». Здесь, переходя от костра к костру, будто путешествуешь по Руси: вот под лунным светом стру-

ится вместе с проголосным пением женская сибирская стать - это чугунно-тракторный Рубцовск нарядил в Сростки свою чистоголосую «Серебряну», а вот играют в отсветах костра, искрится соломка белорусских шляпок - Минск запел на Катуни, рядом кругут поющих казачков с реки Чарыш, а вот круглой луны выкатывает над отмелью волжское неповторимое «о» - это Самара запела!

Глядишь и выпишет кренделя из ближайшего дома словоохотливый старожил и прибавится к поющим да и успеет рассказать кой-что про молодого Шукшина, но следом за рассказчиком явится его старуха и со словами: «И ты тоже хошь в звании «Миль pardон, мадам» ходить? Айда, айда до дому. Будет тебе там и мадам и pardон...» да и проводит старика хворостиною к полуночной калитке.

Утром, на Пикете, назовут имена лауреатов «Калины красной», победителей шукшинского кинофестиваля, которому давно пора - уже приспело! присвоить статус всероссийского. Так же как и Шукшинские литературные премии давно пора переводить в ранг Всероссийских, поскольку потенциал краевого литературного калибра просто-напросто исчерпан и когда я в последние годы слышу имя очередного лауреата, то пытаюсь вспомнить хотя бы один эпизод из награждаемого творения, хотя бы одну будто бы поэтическую строчку. Увы. Таковых память не подсказывает, а на первом плане маячит грустное заморское слово - девальвация премий. Девальвация художественная и нравственная. Помнится, говорил я таровато-расторопному литначальнику В. Синицыну: «Пора, пора выводить Шукшинские премии на Всесибирский уровень!..» «А почему мы ее будем отдавать чужим?» - был ответ, в котором не скрывалась опаска - да ведь в Томске, например, или в Иркутске есть произведения более достойные имени Шукшина, нежели то, что втихаря-келейно выдвигается неким дружно-говорчивым советом Алтайской писательской конторы, никак не отражающей общего мнения членов Союза писателей. Но прежде оглашения имен лауреатов-девальвантов от литературы произошло событие для праздника главное, создавшее душевный и речевой настрой всем выступающим на Пикете.

На Пикете открыт памятник Василию Макаровичу Шукшину. Скульптор Вячеслав Клыков вместе с двоюродным братом Шукшина художником Иваном Поповым (Новосибирск) сметнули с изваяния белый полог и бронзу московского литья окропил молодо-ядреный пополам с солнцем алтайский дождь. Подножие памятника покрылось зонтиками и над их пестрыми горбушками, похожими на густолежащие катунские валуны, возвысилась плавная глыба пьедестала и сидящий на ее покатости Василий Макарович. И не единой дождинки не смахнул он с морщинистого лба, словно и бронзовая плоть его была рада благодатной влаге, посланной родными небесами. Мечтал вернуться на Родину, вот и вернулся...

У скульптора, пожалуй, не было недостатка в иконографическом материале до того, как он принялся за изваяние. Клыков сделал свой выбор, увидев полноту характера не в порывистости, не в энергичном жесте. И это не скульптурная цитата из «Печеклавочек». Главным для Вячеслава Клыкова, на мой взгляд, было вхождение в шукшинскую равнодушевность, как говорили в старину в равномыслие. Я смотрел на фигуру Шукшина, а вспомнилось пушкинское «...на свете счастья нет. Но есть покой и воля». Вот потому Клыков и подтвердил бронзовую свою причастность к шукшинскому покою и воле. Поставим рядом с этим шукшинское «Я пришел дать вам волю» и многое в русском космосе обретет свою национальную протяженность и длительность. Клыков сделал свое дело, следя не только исторической точности здесь, на этом холме сидел Василий Макарович. Нет. Художник-валятель учел еще одну особенность Пикета. Пространство. Простор. Пикет самое высокое поднебесье в округе. Простор глаз не хватает. А если вспомнить опыт хитроумно-изощренных математиков-лингвистов, заставивших выбрать машину самое характерное слово в русском языке, то результат поиска поразителен. Это слово - простор! Отсюда рукой подать до слова пространство и до мудрости простоты, с которой Клыков соединил шукшинскую народную суть с покоем, волей и пространством. И не где-то в селе, у Чуйского тракта поставлен памятник, а над Катунью, на Просторе.

Там он и должен пребывать вечно.

Мне думается, что ни одно произведение В.М. Клыкова, будь это смиренномудрые Кирилл и Мефодий на Славянской площади в Москве или романтически мечтательный К. Батюшков в Вологде, не срослись так с пространством, как сросся Шукшин с Катунским поднебесием.

Там, за его спиной, за гребнями алтайских хребтов по долинам Чарыша, Сентелека, Урсула, Аргута и Катуни стоят иные памятники: курганные могилы безымянных

воинов-властителей благодатных межгорных впадин. А за каменными возвышениями, за оплывшими от времени насыпями - шеренги каменных столбов, символизирующих по преданию число поверженных врагов. Не осталось имен тех воинов, неизвестны ни победители, ни побежденные, лишь отдельные каменные изваяния сжимают в руках поминально-ритуальную рюмашку, ни в силах ни поднять ее, ни опустить. Так и стоят, чествую вечно-каменно покорителей горной страны.

...Шукшин не поражал никого мечом, за ним не тянется шеренга поверженных. Он покорил души читателей и зрителей властью слова и чувства. Мечи ржавеют и превращаются в прах, а слово нетленно. Бронза памятника Шукшину - воплощенное слово. И за самим именем Шукшин возвышается, возносится притягивающее к высотам малопостигнутая потаенность происхождения имени.

Соседство слов - поднебесный шукшинский Пикет вызывает у меня вот какие размышления. Не знаю при этом, известно ли Клыкову происхождение фамилии Шукшин. Богатый для раздумия ответ на такой вопрос заключен в книге «АБВега русских суеверий», изданной Михаилом Чулковым в конце XVII века. Книга сия - своего рода энциклопедия российских обрядов, обычаев и верований. Читаем: «шукша - по мнению Черемис есть такое божество, которое неотлучно пребывает между людьми. Он примечает действия каждого человека, записывает его пороки и добродетели и тотчас относит оные Богу, живущему на небесах». Надо ли говорить здесь о близости мордовских корней Шукшина к Черемисам. (марийцам), у них сходная мифология. После цитаты из Чулкова попробуйте разразить философу Флоренскому, насчет того, что между именем и судьбой существует незримая, но непреоборимая связь. Клыков эту связь выявил интуитивно, на уровне чувства. Да вот все ли молитвы и послания Шукшина дошли до Бога? При жизни Василий Макарович так и не услышал мучительно-полного ответа на вопрос - «Что с нами происходит?» Но всем своим творчеством он адресовал этот вопрос не на небеса, а к тем, кто содеян, сотворен по Образу и подобию Божьему. Стало быть, по Шукшину, народ равен Богу?

...Возвращаясь к открытому памятнику, напомню, что на пьедестале начертано «Василию Макаровичу Шукшину от русского народа». Здесь широкодушевность поступка соразмерна, равночестна шукшинской судьбе. Кто знает - сколько тысяч глаз смотрело в день обнародования памятника в глаза Василию Макаровичу, словно в самих себя всматриваясь. Кто знает, сколько людей, увидев руки Шукшина, невольно ощущало, что это руки мыслителя. И в них не только покой, но и воля.

...Стечет усталость вскилевшего народом дня с опущенной к долу правой руки, перетечет в нее сердечный ток лежащей поверху левой, вот и замкнулся в бронзе жизне-праведный круг Василия Макаровича. К полуночи он, как круглосуточный часовой покоя, остался на холме продолжать свою бессменную думу. Вздорит его, бояська всенародного, утренняя роса и вспомнит он, что в его глаза взглянула вся Россия. Еще вспомнит, что среди цветов, взелейянных в оранжереях и палисадниках, мелькнула ветка еще робко-розовой калины, и студентка-художница из Новоалтайки Ксюша Аврамова, положив калину среди роз и гладиолусов, вслед за молодым киноактером присвоила: «Теперь Шукшин - это мое». А еще вспомнит, глядя на сростинское подholmье, но видя Россию, что там в старой школе его истинный друг кинооператор Анатолий Заболоцкий открыл специально доставленную из Минусинска фотовыставку, которую безошибочно можно назвать «Россия многоликая», что на снимках мастера тоже лежит всепримирающая печать покоя и воли. А еще вспомнит, что его собрат по перу Валентин Распутин, цитируя слова Ильи Муромца: «Ванька, смотри! все заключил на свой, сообразный временем лад: «Да, сегодня нам трудно. Но надо не выживать, а жить!»

Вот и подошло время сказать скульптору Клыкову поклонные слова: «Спасибо Вячеслав Михайлович! За то, что Вы от имени народа сделали Пикет выше на целого Шукшина!»

